

Елена Погорельская

Владимир Маяковский в биографии Исаака Бабеля

С появлением рассказов Исаака Бабеля в московской печати его имя сразу стало популярным. «В Москве шумит последнее время Бабель, – писал К.А. Федин М. Горькому 16 июля 1924 года. – Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге».* 4 марта 1926 года С.Т. Григорьев извещал того же Горького: «Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве».**

Сам Бабель в «Автобиографии» вел отсчет своей литературной работы от появления в журнале «Леф» рассказов «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др. Четвертый номер «Лефа» за август-декабрь 1923 года, где были напечатаны эти рассказы, вышел в свет в первых числах января 1924-го. Заявление Бабеля не совсем точно: конармейские и одесские рассказы уже публиковались зимой и весной 1923 года в «Известиях Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета» и в приложениях к ним. А ранняя редакция рассказа «Король», напечатанного в «Лефе», увидела свет в одесской газете «Морьяк» еще в 1921 году. Да и «Леф» был далеко не первым столичным журналом, опубликовавшим произведения Бабеля: 27 мая 1923 года в девятом номере «Огонька» появился рассказ «Смерть Долгушова», 16 декабря в «Прожекторе» (№ 21) напечатаны «Путь в Броды», «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине». В де-

* Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М., 1963, с. 475.

** Там же, с. 134.

кабре 1923-го начала печатать Бабеля и «Красная новь» – в седьмом номере вышли «Линия и цвет» и «Пан Аполек».

И все же тому, что Бабель считал началом именно лефовскую публикацию, нетрудно найти объяснение. Во-первых, до этого, как принято в периодике, в газетном или журнальном номере печаталось по одному, по два, максимум три (как, например, в «Прожекторе») рассказа, а Бабель стремился к созданию новеллистических циклов и книг. В «Лефе» появилось сразу восемь новелл. Помимо перечисленных в «Автобиографии», в четвертом номере журнала были напечатаны рассказы «Прищеп», «Начальник конзапаса» (под названием «Дьяков»), «Комбриг 2» (под названием «Колесников») и «Как это делалось в Одессе». Причем для рассказов «Дьяков» и «Колесников» это была первая публикация. Кроме того, здесь были помещены шесть новелл из книги «Конармия» (седьмой – «Мой первый гусь» – появится в следующем номере). В истории бабелевских публикаций был еще один подобный случай: в третьей книжке «Красной нови», за апрель-май 1924 года, было напечатано девять конармейских рассказов. Но это произошло чуть позже. В своих воспоминаниях Лев Славин подытожил: «Для всей страны Бабеля открыл Маяковский».^{***}

Однажды, было это в мае или в июне 1923 года, находившийся в Москве Бабель пришел на квартиру Владимира Маяковского в Водопьяном переулке, где тот жил вместе с Бриками – Лилей Юрьевной и Осипом Максимовичем. Ответственный секретарь «Лефа» Петр Васильевич Незнамов вспоминал, как в тот же день Маяковский и О. Брик предложили ему напечатать в «Лефе» его рассказы «большим куском».

«Леф» публиковал на своих страницах талантливых авторов, творчество которых не всегда соответствовало направлению и установкам журнала. Это хорошо осознавали участники группы. Николай Асеев, например, писал о том, что «Маяковский очень стремился объединить вокруг «Лефа» наиболее ярких писателей

^{***} Славин Л.И. Фермент долговечности // Воспоминания о Бабеле. – М., 1989, с. 8.

из тех, кто не боялся продешевить себя, сотрудничая в бедном средствами журнале».*

«Леф» – на горе, на юру, его отовсюду видно»,** – уговаривали Бабея Маяковский и Брик.

Так в «Лефе» появились произведения Бабея. По соседству с Бабелем в том же номере Маяковский поместил свою поэму «Рабочим Курска, добывшим первую руду».

В кратком редакционном послесловии к рассказам Бабея говорилось о том, что писатель начал свою литературную деятельность еще до революции в журнале «Летопись», а революционные годы «провел на юге России, частью в Одессе, частью в конной армии Буденного и на Кавказе». И далее подчеркивалось: «За это время им написаны две книги – «Конармия» и «Одесские рассказы».

А ведь до отдельных изданий этих книг было еще далеко!

Рукописи всех опубликованных в «Лефе» рассказов Бабея сохранились. Машинописи восьми новелл с авторской правкой, напечатанных в четвертом номере журнала, остались в архиве Брика,** автограф опубликованного позднее рассказа «Мой первый гусь» сохранил сам Маяковский.****

Надолго прижились в быту левовцев многие выражения из бабелевских рассказов. Во время карточной игры Маяковский «с полной рукой козырей любил говорить партнеру:

– А теперь, папаша, мы будем вас кончать.

И получал в ответ:

– Холоднокровнее, Маня, вы не на работе*****».

Для Маяковского Бабель оставался любимым современным писателем-прозаиком. В беседе с сотрудником «Ле журнал ли-терер» в Париже 29 ноября 1924 года он сказал: «...мы имеем

* Асеев Н.Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963, с. 422.

** Там же, с. 370.

*** РГАЛИ, ф. 2852, оп. 1, ед. хр. 403.

**** В настоящее время автограф находится в фонде Л.Ю. Брик и В.А. Катаняна (РГАЛИ, ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 1455).

***** Цитаты из рассказов «Письмо» и «Король».

***** Незнамов П.В. Маяковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников. – С. 370.

прекрасную литературу, это не литература академиков-эмигрантов. Это новое поколение поэтов (Пастернак, Асеев) и прозаиков (Бабель)».***** Через несколько лет, 22 апреля 1927 года, в интервью газете «Прагер пресс» Маяковский вновь высказал свое мнение о современной прозе: «Мне лично больше нравятся Бабель и Артем Веселый. Затем имеет значение проза Тынянова и Шкловского. Конечно, нельзя обойти Пильняка, Всеволода Иванова, Сейфуллину, однако они – не те, которые формируют литературные вкусы и идут во главе литературы сегодняшнего дня. Наиболее значительны в этом отношении именно Бабель и Артем Веселый».*****

Отстаивая позиции Левого фронта искусств, Маяковский использовал факт лефовских публикаций рассказов Бабеля как аргумент в споре со своими литературными противниками, а именно с Вяч. Полонским, но в то же время он защищал от нападок и самого Бабеля. Выступая 23 марта 1927 года на диспуте «Леф или блеф», поэт говорил:

«...Бабель три года тому назад приходил к нам в Москве с маленькой кипочкой своих рассказов. Мы знаем, как Бабеля встретили в штыки товарищи, которым он показывал свои литературные работы. Первые говорили: «Да если вы видели такие беспорядки в Конной, почему не сообщили, зачем вы это в рассказе пишете?». Другие говорили: «Про что он пишет? Про небо, а на небе трипперов и без вас достаточно. Это что? Литература «как хороши, как свежи были розы?» Нет, это не то». Поэтому первое отношение было к Бабелю в штыки. После этого «Леф», – потому что «Леф» не идет по линии трафаретной критики, – напечатал самые лучшие рассказы Бабеля – «Соль», «Смерть Долгушова».*****

Но еще до лефовской публикации Маяковский пропагандировал Бабеля за границей.

По воспоминаниям сына Леонида Андреева Вадима (с которым позднее Бабель будет общаться в Париже), на одном из выступлений Маяковского в Берлине в начале сентября 1923 года произошло следующее: «На сцене Маяковский был один и весь вечер – не помню даже, был ли перерыв, – заполнил чтением

***** Маяковский В.В. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. – М., 1961, с. 222.

***** Там же, с. 233.

***** Там же, т. 12, с. 328-329.

своих стихов и разговорами с аудиторией, стараясь сломать неприязнь, что ему не всегда удавалось. Он начал свое выступление словами: «Прежде чем нападать на Советский Союз, надо вам послушать, как у нас пишут. Так вот – слушайте», – и он превосходно прочел замечательный рассказ Бабеля «Соль». Впечатление от этого рассказа было огромное».*

Конечно, не всем мемуарам можно полностью доверять. Возьмем, к примеру, свидетельство другого русского литератора-эмигранта, Владимира Брониславовича Сосинского. Ему запомнилось, как в Париже вместе с Бабелем он якобы дважды ходил на выступления Маяковского и как оба раза Бабель просидел у Маяковского за кулисами.** Такого быть не могло, потому что доподлинно известно, что во время первого пребывания Бабеля в Париже, с 20 июля 1927 года по 3 октября 1928-го, Маяковский во Франции не был, а ездил с выступлениями по городам Советского Союза.***

Что же касается мемуаров Вадима Андреева, то яркий и показательный эпизод, приведенный выше, вряд ли мог быть придуман двадцатилетним тогда поэтом или искажился в его памяти.**** И произошло это именно в 1923 году, так как в сохранившихся отчетах о берлинских выступлениях Маяковского весной 1924 года ни о чем подобном речь не идет, а сам Вадим Андреев в 1924 году из Берлина уехал.

В повести «Алмазный мой венец» Валентин Катаев, назвав Бабеля «конармейцем», а Маяковского – «Командором», изложил свою версию: «Он [Бабель] сразу же и первый среди нас прославился и был признан лучшим прозаиком не только правыми,

* Цит. по: Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. / Под ред. А.Е. Парниса. – М., 1985, с. 257.

** См.: Поварцов С.Н. Быть Бабелем. – Краснодар, 2012, с. 32.

*** В 1927 году Маяковский находился в Париже с 29 апреля по 9 мая, известно его выступление в кафе «Вольтер» 7 мая; в 1928 году он был там с 15 октября по 3 декабря и вновь выступал в кафе «Вольтер» – 7 ноября (см.: Катанян В.А. Маяковский. Указ. соч., с. 385-387, 444-446).

**** Выступление Маяковского, о котором рассказал Вадим Андреев, проходило недалеко от Потсдамерплац на Лейпцигерштрассе. В тот же приезд в Берлин состоялся еще один вечер Маяковского в помещении Торгпредства на Линдерштрассе, также сохранившийся в памяти молодого поэта, так как на этом вечере он сам выступал вместе с Маяковским.

но и левыми. «Леф» напечатал его рассказ «Соль», и сам Командор на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть и своим баритональным басом прославлял его автора перед аудиторией Политехнического музея, что воспринималось как высшая литературная почеть...».^{****}

О восторженном отношении Маяковского к Бабелю свидетельствуют и другие их современники. Вот что, например, вспоминал в 1930 году, после смерти поэта, Семен Кирсанов:

«1923 год. Одесса. Из вагона выходит крупный человек с папиросой, втянутой до табака.

– Вы – товарищ Маяковский?

– Да, я. <...>

– Привет, Бабель! Люблю вас, Бабель. А вот молодой отпрыск Лефа Кирсанов.

(Сидят, разговаривают. Маяковский открывает книгу на «Облаке».)^{*****}

Кирсанов здесь неточен. Приехал поэт в Одессу не в 1923 году, а 20 февраля 1924-го. В тот же вечер состоялось его выступление в Северном театре, а на следующий день «Вечерние известия» поместили беседу с ним под заголовком «Вл. Маяковский об искусстве вообще и Лефе в частности». Среди новостей Левого фронта Маяковский назвал подготовку «5-й книжки Лефа, посвященной Ленину, в которой будет напечатан рассказ И. Бабеля».^{*****} В пятом номере «Лефа», вышедшем в свет после 21 мая 1924 г., был напечатан рассказ из конармейского цикла «Мой первый гусь». Да и вряд ли Маяковский во время беседы вообще брал в руки книгу, это скорее написано для создания атмосферы, образа («Это было, было в Одессе»).

В этот приезд Маяковский побывал у Бабеля дома на Ришельевской улице, 17, и Бабель познакомил его со своими родными. А перед отъездом из Одессы, 23 февраля, поэт устроил прощальную вечеринку у себя в номере. Племянница Маяковского Татьяна Михайловна Горбачева-Киселева запомнила свечи, ящички с финиками, стопки с плитками шоколада. Среди приглашенных

^{****} Катаев В.П. Алмазный мой венец. Повести. – М., 1981, с. 210.

^{*****} Кирсанов С.И. Что помню // Книжное обозрение. 1997, 28 окт.

^{*****} Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 13, с. 220.

был Бабель. Он был одет в синюю толстовку и помогал за столом. А выходя из номера, уговорил Татьяну Михайловну заполнить карманы пальто шоколадом.*

По свидетельству хорошей знакомой Бабеля, киевской писательницы и переводчицы Т.О. Стах, жившей в 1924-1926 годах в Одессе, летом 1926-го писатели вновь встретились в родном городе Бабеля. «Дважды они встречались у нас дома, – вспоминала Татьяна Осиповна. – Речь шла о Горьком, об Айседоре Дункан. *Маяковский при разговоре с Бабелем нежно трогал его плечо, внимательно слушал его тихий голос. Он все больше укреплялся в своей любви к Исааку Эммануиловичу*» (здесь и далее курсив мой. – Е. П.).**

И в этом случае мемуаристку подвела память. Летом 1926 года Бабель и Маяковский в Одессе видеться не могли. Бабель находился там с 26 мая по 15 июня, затем на несколько дней уезжал в Харьков, а 19 июня вернулся в Москву, Маяковский того же 19 июня как раз выехал в обратном направлении – из Москвы в Одессу.*** Встреча на квартире Стах могла состояться в том же феврале 1924 года. Возможно, Татьяна Осиповна запомнила какую-то другую их встречу, которая произошла в другое время и не в Одессе. Но важнее всего эмоциональная составляющая этих мемуаров – о том, что Маяковский своих чувств по отношению к Бабелю не прятал.

О подобных внешних проявлениях со стороны более сдержанного Бабеля свидетельств не сохранилось. Тем не менее глубокая симпатия была взаимной. Вот что рассказал Семен Гехт: «Когда Бабель услышал о самоубийстве Есенина, на лице его сделалось то выражение растерянности, какое бывает у очень близорукого человека, неведомо где позабывшего свои очки. Таким оно было только в первые минуты, и уже не растерянность отражало оно несколько времени спустя, а возмущенное недоумение <...> несправедливостями судьбы и несовершенством законов на земле <...>. Такими же были глаза Бабеля, когда он узнал о самоубийстве Маяковского».****

* См.: Спектор У.М. Маяковский и Бабель // *Вечерняя Одесса*. – 1983, 3 сент.

** Там же.

*** См.: Катанян В.В. Указ. соч., с. 345.

**** Гехт С.Г. *Избранное*. – Одесса, 2010, с. 298-299.

Поэта не стало 14 апреля 1930 года. В это время Бабель находился в Москве. Через два дня, 16 апреля, он описал свое состояние в письме Евгении Борисовне в Париж: «Я душевно так измучен смертью В. М., что не смогу много написать. Две ночи не спал, все стоит перед глазами мертвое лицо – и все, что с этой смертью связано». И тотчас же: «После трехлетнего перерыва пришлось войти в московский литературный мир, в литературную лавочку – и решение никогда с ним не знаясь укрепилось во мне *навсегда*». И в конце сообщает: «Хоронят М. завтра. Душа маленько угомонится – напишу».^{****}

Тело Маяковского было выставлено для прощания в Клубе писателей на улице Воровского с позднего вечера 14 апреля (по официальной хронике – с полуночи). Три дня поэта не хоронили – ждали возвращения Бриков из-за границы. В записке сестре, отправленной того же 16 апреля, Бабель поясняет: «Ты не будешь на меня в претензии, если я напишу коротко. Ужасные дни. Вчера и позавчера дежурил у гроба В. М. Чудовишно».^{*****}

Потрясение было тяжелым, душа долго не могла «угомониться», и еще в двух письмах подряд матери и сестре в Бельгию Бабель вновь возвращается к трагическому событию. Вот красноречивое признание из письма от 21 апреля: «Мы пережили здесь грустные дни из-за смерти Маяковского. Вся жизнь как-то сломалась и с трудом мы входили в норму; *ни работать, ни радоваться весне нельзя было*». И еще через несколько дней, 27 апреля: «...все у меня благополучно, работаю, чувствую себя очень хорошо, смерть В. М. внесла только смятение. Основная причина, как говорят, неудачная любовь, но, конечно, тут есть и годами накопленная усталость. Разобрать трудно, *п<отому> ч<то>* предсмертное письмо его не дает никакого ключа. Мама, верно, помнит, как он, громадный и цветущий, приходил к нам еще в Одессе... Чудовищная смерть».

Предсмертная записка Маяковского, которая, по мнению Бабея, не давала ключа к пониманию трагического события, была

**** Цит. по оригиналу, хранящемуся в частном собрании.

***** Здесь и далее письма сестре и матери цитируются по ксерокопиям с автографов, находящихся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США).

опубликована 15 апреля, на следующий день после самоубийства, в «Правде»:

«Все

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская*.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят –

«инцидент исперчен»,

любовная лодка

разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете

и не к чему перечень

взаимных болей,

бед и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/IV – 30 г.

Товарищи Вапповцы**, не считайте меня малодушным.

Сериозно – ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться***.

В. М.

* Вероника Витольдовна Полонская (1908-1994) – в то время актриса МХАТа и жена М.М. Яншина; она была последним человеком, видевшим Маяковского живым.

** ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

*** Владимир Владимирович Ермилов (1904-1965) – критик и литературовед, в 1928-1932 годах был секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В предсмертном письме Маяковского речь идет об одном из лозунгов к спектаклю «Баня» в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда: «Сразу / не выпарить / бюрократов рой. / Не хватит / ни бань / и ни мыла вам. / А еще / бюрократам / помогает перо / критиков – / вроде Ермилова...».

В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог.
Остальное получите с Гиза.

В. М.»****

Письмо поэта вскоре сделалось «литературным фактом», которым воспользовался Бабель. Через три месяца после смерти Маяковского ему пришлось оправдываться перед секретариатом ФОСП (Федерации объединений советских писателей) за подложное интервью, якобы данное им во Франции польскому журналисту Александру Дану. В оправдательном слове Бабель, среди прочего, говорил: «Недавно я был с триумфом отправлен от фининспектора, ибо оказался единственным писателем в СССР, не обложенным подоходным налогом. Все мое состояние – полтора чемодана и долг ГИЗу». М.Я. Вайскопф усмотрел здесь аллюзию на окончание предсмертного письма Маяковского. **** Продолжая аналогию, стоит назвать и знаменитое стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926):

Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните –
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.

В оправдательной речи Бабеля перед ФОСП, по мнению Вайскопфа, есть и отсылка к строкам из поэмы Маяковского «Во весь голос»: «Мне / и рубля / не накопили строчки, / краснодеревщики / не слали мебель на дом». Бабель же говорил о том, что

**** Маяковский В.В. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 13. – М., 1961, с. 138.

***** См.: Вайскопф М.Я. Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. – М., 2017, с. 114, 444.

отказался от относительно спокойного и безбедного существования во имя поиска нового содержания для своего литературного труда: «У меня в то время была квартира (имеется в виду одесская квартира на Ришельевской, 17. – Е. П.), была тысяча-две рублей гонорара в месяц, был почет, я имел возможность заказывать себе «красную мебель».

Еще долгое время образ Маяковского, возможно, именно из-за трагических обстоятельств его смерти, не покидал воображение Бабеля. Если в рассказе «Гюи де Мопассан» (1932) слова «мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью» восходят к пушкинскому «мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв»,* то другие слова из того же рассказа – «об армии слов, об армии, в которой движутся все виды оружия», и о том, что «никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя» – скорее всего, навеяны знаменитыми строками из «Во весь голос», сравнивающими поэзию с оружием:**

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.

Но что могли означать слова из письма Бабеля жене от 16 апреля 1930 года: «...все, что с этой смертью связано»? Когда Бабель дежурил в Клубе писателей, он, вероятно, видел рядом с собой представителей того «московского литературного мира», «литературной лавочки», с кем он так не хотел встречаться, и кто мог

* См.: Жолковский А.К. Белая кляча судьбы, рыцарь Галеот и наука страсти нежной (Еще раз об интертекстах к «Гюи де Мопассану» И. Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23-26 июня 2014 г. – М., 2016, с. 222; Вайскопф М.Я. Указ. соч., с. 108.

** См.: Вайскопф М.Я. Указ. соч., с. 444.

быть в какой-то степени повинен в смерти Маяковского. Ведь и у поэта при жизни, как у него самого, была репутация «попутчика»; вступление в конце жизни Маяковского в РАПП ничего не изменило, пожалуй, только усугубило ситуацию – от него отвернулись друзья-лефовцы. Но особенно горьким было осознание потери большого поэта и совсем еще молодого человека, к которому Бабель испытывал глубокую душевную приязнь.

